

Л. А. Тульцева

РЯБИНА В НАРОДНЫХ ПОВЕРЬЯХ

Несколько лет назад в работе Н. Варадинова, посвященной правительственным распоряжениям по старообрядчеству и сектантству, мне встретились несколько строк о беспоповском согласии, называвшемся в народе «рябиновщиною», так как последователи этого толка основной атрибут религиозного культа — крест — изготовляли из рябины¹. Невольно возникают вопросы: кто же такие были «рябиновцы» и почему они поклонялись именно рябиновому кресту? Но главное: в какой связи с «рябиновцами» и рябиновым крестом находится рябина? В соответствующей литературе не удалось найти ответ на эти вопросы. Лишь в одной из книг С. А. Токарева в разделе, посвященном культуре деревьев в восточнославянских народов, высказано предположение: «...почитаемым деревом была, кажется, рябина, рубить которую и жечь в виде дров в печке считалось грехом»². Практически этим замечанием исчерпывается историография интересующего нас вопроса.

Изучение различных этнографических источников неожиданно показало, что у разных народов Европы, в том числе и восточно-европейских, бытовало множество поверий, связанных с рябиной. Вплоть до рубежа XIX — XX вв. рябиновая ветка нередко выступала в качестве культового атрибута во время заговоров и ворожбы. Она могла служить и оберегом.

Вот любопытное свидетельство об употреблении рябины во время ворожбы, найденное П. Н. Рыбниковым в Олонецкой губернии в середине прошлого века. Известный исследователь-фольклорист сообщал, что, по местным олонечким поверьям, у лесовиков (или леших), этих антропоморфных хозяев леса, будто бы были, как и у людей, свои воеводы и цари. Считалось, что над олонечкими лесовиками царствует Му-саил-лес³. И если человек заблудится в лесу или заболает, пропадет ли в лесу его скотина — надобно этот лес «заклясть». Что это значит? В рукописном сборнике заговоров и лечебных наставлений предлагается:

«Аще хщети отведати у лесового о болящем человеке, отчего ему пришло, как идешь в лес и найдешь лядину, и сыщи рябину древо, чтоб от-ростелина была бы от нее, да отсеки ее, да расколи надвое, да свяжи в концах посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трижды; и как прой-дешь, высеки три батожка рябиновых же, да клади против сердца батожек, а два под пазухи, а четвертый за хребет, да стой так, а сам напиши чело-

¹ Н. Варадинов, История Министерства внутренних дел, кн. 8, СПб., 1863, стр. 544.

² С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.—Л., 1957, стр. 63.

³ Наделение духа именем собственным является отражением древнего культа местных духов-покровителей. Особенно убедительно это подтверждается белорусскими заговорами. В них нередки, например, такие обращения: «Правяликий господин полевой Антоний, луговой Хвядосий, боровый Стахваний, безыменщик Лесовой, мати Маланья правяликая господня! и т. д.». Е. Р. Романов, Белорусский сборник, Витебск, 1891, вып. 5, стр. 4, № 9.

битую: Бью челом тебя, царь-государь, на сего праведного леса, что он спортил, а не ведаю за что, а будет ты не справишь, царь Мусайла, сего раба (имрек), и я иду к Мос...⁴, стану бить челом на тебя царю-государю, и пойдут с Москвы стрельцов два приказу, с Новагорода приказ, с Азова донских казаков два приказу, и как не избавишь человека сего (имрек) почтенного, и вас высекут в пень. И как напишешь сие письмо, да положи бумагу в рябину же, вперед кричи: «Ай же ты, царь Мусайла-лес, праведно скажи мне про сего раба (имрек), отчего ему пришло»⁵.

Упоминание о стрельцах и о донских казаках позволяет датировать заговор серединой XVII в. В нем кроме интересующего нас сюжета — рябина и ее магическая роль в ворожбе — заслуживают внимания те антропоморфные, очеловеченные отношения, в которых, по народно-бытовым поверьям, находились человек и лес. Антропоморфный характер отношений между человеком и лесом сохранялся еще во второй половине XIX в. Из Никольского уезда Вологодской губернии Г. Н. Потанин сообщал: «Здесь лишут на лоскутках бересты прошения лешим и приколачивают их в лесу; такие прошения лишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозревают в конокрадстве самого лешего»⁶. Во время ворожбы человек разговаривает с лесом весьма решительно. Если его просьба не будет выполнена, он грозит «высечь лес в пень!» Рябина здесь выполняет двойную роль — посредника и оберега. Во время заклятия человек предохраняет себя от лесной нечисти рябиновыми ба- тожками.

Это посредническо-предохранительное, по народным поверьям, свойство рябины особенно отчетливо выступает в некоторых советах для тех любопытствующих, кто без вреда для себя хотел бы распознать колдунов — людей, наделявшихся в быту сверхъестественными способностями. Например, согласно заговору, бытовавшему в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, следовало сходить в лес накануне Иванова дня (24 июня) и найти рябину, растущую на муравище, принести ее домой и поутру, когда падет роса, положить ее «под Иванову росу». После этого рябину хранили до подходящего случая. А когда надо было испытать человека «в ворожбе, наговорах или порче», то следовало взять рябину и воткнуть в голенище обуви вершиной вниз с таким приговором: «Как рябина эта стоит вниз головой, без воли моей не перевернется и не встанет, так и идущий знахарь без воли и слов моих не пошевелится». Считалось, что при этом наговоре ворожей не сойдет с места, пока рябина не будет вынута из обуви⁷.

Более простой способ «распознавания колдунов» был связан с пасхальными поверьями. Рекомендовалось прийти в церковь к пасхальной заутрене с рябиновой палочкой в руках. Тогда, согласно поверью, можно увидеть, что все колдуны стоят, отвернувшись от иконостаса⁸. Сведения об этом поверье были сообщены в «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева из Пензенской губернии. Но основные мотивы поверья типичны и для других губерний: время — только пасхальная заутреня; способ распознавания — колдуны всегда находятся в противоестественных позах по отношению к иконостасу. Разнится только оберег — это или

⁴ Вероятно, к Москве (примечание П. Н. Рыбникова).

⁵ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. IV, СПб., 1864, стр. 224, 250—251; см. также А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. III, М., 1869, стр. 803.

⁶ Г. Н. Потанин, Никольский уезд и его жители, «Древняя и новая Россия», 1876, № 10, стр. 140.

⁷ П. А. Шилков, О суеверии населения Екатеринбургского уезда Пермской губернии, Научный архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ОЛЕАЭ), ед. хр. 174, лл. 5—6.

⁸ С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 111; С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 25.

пасхальное крашеное яйцо, или четверговая соль, которую в крестьянском быту наделяли особыми свойствами, или одежда и обувь, надетые необычным способом, и т. д.; оберегом служили и рябиновые багожки.

Вера в сверхъестественную предохранительную силу рябины была распространена среди различных народов. У восточных славян в числе советов, как стать обладателем цветка папоротника, цветущего лишь в ночь на Иванов день, был и такой: человек, который идет на поиски цветка, должен предварительно сделать круг-оберег от нечисти рябиновой палкой⁹. У удмуртов при закладке нового дома втыкали в центр будущего дома рябиновую ветку. Верили, что это предохраняет дом от порчи ведунами¹⁰. Аналогичный обычай-оберег практиковался в Вязниковском уезде Владимирской губернии: здесь на место, где ставился дом, крестьяне приносили вырытую с корнем березку или рябинку¹¹.

Рябиновые палки были главным средством очистительного обряда «изгнания шайтана». Он совершался у горных мари в начале мартовского новолуния. Участники обряда, вооружившись рябиновыми палками, с криком и шумом стучали по различным предметам домашнего обихода, по стенам и по полу. Из избы «изгоняющие шайтана» переходили во двор, амбар, хлев. Так шли от дома к дому¹². Сходному обряду у мари дер. Иسمенец, совершавшемуся один раз в семь лет, предшествовала игра мальчишек на рябиновых самодельных дудках в течение целого месяца¹³.

Действенным средством против злых духов считалось рябиновое дерево и в латышских народных поверьях. Латыши считали, что если кого-либо мучают «кошмары», ему следует держать при себе рябиновую палку. Если же «кошмары» преследуют скотину, то ее надо сечь веткой рябины. А чтобы домовый дух не смог попасть в клеть, нужно было повесить у окошка клетки ступицу от старого колеса, забитую с обоих концов клиньями из рябины. Рекомендовалось также перевязывать рябиновым лыком ноги умершему колдуну, чтобы тот не беспокоил по ночам людей¹⁴. Известны и латышские заговоры-поверья, в которых советовалось изгонять лихорадку с помощью рябины¹⁵. Заговоры эти очень архаичны. В них сконцентрировалось несколько символично-магических звеньев, связанных с магией опахивания, магией перекрестка, целебно-магическими свойствами растений и др.

Почитание рябины было широко распространено и среди скандинавских народов. По их поверьям, рябиновая ветка предохраняла от колдовства и злых духов¹⁶. Отметим и то, что литовское название рябины *sermuksnis* происходит от *sarmô* — «убийца», так как, по литовским народно-бытовым поверьям, черта можно убить лишь рябиновой палкой¹⁷.

Русскими людьми рябина издавна широко использовалась в качестве свадебного оберега. Свидетельства этому можно найти в старинных

⁹ А. Афанасьев, Указ. раб., т. II, М., 1868, стр. 379. С позиций мифологической школы объяснение этому поверью дает А. Ф. Потебня в работе «О некоторых символах в славянской народной поэзии», ч. III, Харьков, 1914, стр. 176.

¹⁰ Д. К. Зеленин, Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов, М.—Л., 1937, стр. 51.

¹¹ Г. К. Заойко, Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии, «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4, стр. 178; Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 49—50.

¹² Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на западе и у славян, ч. I, СПб., 1903, стр. 269—270.

¹³ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, Казань, 1881, стр. 133.

¹⁴ «Известия ОЛЕАЭ. Труды этнографического отдела», М., 1881, кн. VI, стр. 159, 198, 208.

¹⁵ Там же, стр. 146, № 298, 299.

¹⁶ А. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 389.

¹⁷ С. Микудский, Наблюдения и заметки о лето-славянском языке сравнительно с прочими арийскими языками, «Записки Русского географического общества по Отделению этнографии», СПб., 1867, т. I, стр. 573.

лечебниках. Вот выдержка из Синодального лечебника XVII в. В ней дается наставление, как уберечься от колдунов во время свадьбы и на пиру:

«Когда человек хочет от ведьм стеречись на свадьбе или на пиру: найди рябину в лесу на дубовой колоде, и сделай из той рябины посошок; и по весне о кою пору надеешься кукушке закуковать, в ту пору ходи с тем посошком... рябиновым, и в котором месте впервые слышишь кукушку кукуючи, и ты также держишь посошок рукою, и подле рук у того посоха заметь сверху и съисполу тот жеребий¹⁸ и утки одну половину жеребья под ухо у дверей, а другую половину подле другой половины ушка, оба пол дверей, в той хоромине, в которой хочешь свадьбу рядить или пир: в ту хоромину ведьма никак не может войти дверьми, и воротится, а тут не пойдет. И около поля: ржа того жита не ест. Добро ту рябину себе в дворе посадить и держать для того, о чем вверху писано»¹⁹.

Цитируемое наставление любопытно для характеристики мышления, связанного со знанием и чувством природы. Сейчас, анализируя подобные поверья, невольно ощущаешь их поэтичность, чистую наивность и бережность, хотя для человека того времени были важны прежде всего утилитарно-психологический смысл и сакральное значение, вкладывавшиеся в сам обряд и поверья, его санкционировавшие. Отсюда их стойкость. Поэтому еще и в XIX в. в разных русских областях рябина фигурирует в качестве свадебного оберега. Так, во Владимирской губернии и в Среднем Поволжье русские брали с собой рябину в свадебный поезд, а рябиновые листья подстилали в обувь жениха и невесты, чтобы оградить их от козней злых людей²⁰.

Поверье о рябине как о *чистом дереве*, способном отгонять темные силы, сохраняется до сих пор среди старшего поколения верующих староверов Горьковского Заволжья²¹ и среди стариков-чувашей. В прошлом чувашки верили, что ожерелье из рябиновых ягод, надетое на шею ребенка, предохраняет его от дурного глаза. Вера в действенность апотропейных свойств рябины распространялась и на животных. Еще сравнительно недавно в чувашских деревнях на шею телят вешали небольшие кресты из древесины рябины, а то и просто рябиновые батожки²².

Считалось также, что рябина способствует плодовитости скота. В Швеции и Вестфалии существовал обычай 1 мая трижды ударять веткой рябины не телившихся коров²³. Сходный обычай зафиксирован в XIX в. и в Германии. Здесь 1 мая домашних животных ударяли веткой рябины (или при церковном наслоении на обряд — освященной в церкви вербой). Известный исследователь народных обычаев и фольклора Е. В. Аничков писал, что подобные обряды имеют магико-очистительное значение²⁴. Вывод Е. В. Аничкова правомерен, но факты говорят о том, что обрядовому хлестанию рябиновой ветвью отводилась вполне опре-

¹⁸ Т. е. надо было сделать предохранительные насечки.

¹⁹ Цит. по: Ф. Буслаяев, О народной поэзии в древнерусской литературе, М., 1859, стр. 32; см. также Н. И. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях, СПб., 1860, стр. 162.

²⁰ И. Доброзраков, Село Катунки с его приходскими деревнями, «Нижегородский сборник», Н.-Новгород, т. I, 1867, стр. 178; «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», Л., 1926, стр. 93; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко, Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX вв.), Казань, 1973, стр. 149.

²¹ Устное сообщение исследователя старообрядчества в Горьковской области (Заволжье) И. А. Кремлевой.

²² П. В. Денисов, Религиозные верования чуваш, Чебоксары, 1959, стр. 33.

²³ А. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 388.

²⁴ Е. В. Аничков, Указ. раб., стр. 327.

деленная «плодоносная» роль. Этнографам известно множество примеров магического хлестания скотины и детей, которое должно было содействовать их росту и здоровью.

Обзор народных поверий о рябине был бы не полон без упоминания о фенологических наблюдениях, связанных с рябиной. Многовековой сельскохозяйственный опыт крестьянина позволил накопить приметы, по которым предсказывались погода и урожай, определялись сроки посева, уборки злаков и плодов. В числе таких примет были и сроки цветения рябины и число соцветий и ягод. Считали, что если «рябина цветет ясно — много оса будет», «хорошо рябина цветет — к урожаю льна»²⁵. В Витебской губернии верили, что рябина цветет пышно и обильно к мокрому и дождливому лету, и тем самым к меньшему урожаю хлебов; обилие же рябиновых ягод предупреждало о плохом урожае ржи²⁶.

С какими же верованиями было связано почитание рябины? Как известно, почитание растительного мира относится к таким ранним формам религии, как тотемизм, аграрные и промысловые культы и т. д. Эти формы отражают социально-хозяйственную жизнь народов на первобытнообщинной ступени развития. К тому времени, когда стали собираться и письменно фиксироваться бытовые (в том числе и религиозные) черты жизни народов, культ растительности сохранился преимущественно как пережиточное явление в аграрно-календарных обрядах, в поверьях, олицетворявших растительность, и в фольклоре. Особенно четко этот культ прослеживается в цикле масленичных, троицко-семицких и дожиночных обрядов. Хорошо известны и разнообразные поверья, связанные с олицетворением растительности, — это лешие и лешахи, русалки, полудницы и т. д. В самой непосредственной связи с культом растительности находятся и олицетворения весны в образах «Костромы», «Кострубоньки», «Семика и Семичихи» и др. В целом культ отдельных деревьев и даже рощ дожил у различных народов Европы чуть ли не до новейшего времени.

Особая форма культа растений — почитание и поклонение одному какому-либо виду. В некоторых случаях корни этого явления связаны с ранней формой религии эпохи родо-племенной организации — тотемизмом. Считалось, что каждая кровнородственная группа племени ведет свое происхождение от предка-тотема, с которым имеет родственную связь. Тотемом мог быть любой материальный одушевленный или неодушевленный предмет, в том числе и растение. Например, представление об ольхе как священном дереве-тотеме довольно отчетливо прослеживается у карел²⁷.

Возможно, что элементы тотемической связи между почитаемым деревом и человеком дошли до нас в таких языческих русских именах, как Береза, Ива, Осина и др., выходящих еще во второй половине XV в.²⁸ Из рукописей XV—XVI вв. известно и мужское имя Рябина²⁹. Белорусская антропонимия XV—XVIII вв. также знает прозвище Рабинка, Арабина. Оно употреблялось наряду с христианскими именами.

²⁵ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 124.

²⁶ Н. Я. Никифоровский, Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах, Витебск, 1897, стр. 129, № 947.

²⁷ Ю. Ю. Сурхаско, Козичендашаува — жезл колдуна, «Сборник музея антропологии и этнографии», вып. XXVIII, Л., 1972, стр. 203. (В статье имеется библиография по этому вопросу.) Кстати, ослариваемое автором сообщение о том, что жезл колдуна сделан из рябины, остается в силе, ибо автор не приводит конкретного доказательства в пользу своего мнения.

²⁸ С. Б. Веселовский, Ономастикон, М., 1974, стр. 36, 126, 233.

²⁹ М. Я. Морошкин, Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке, СПб., 1867, стр. 170; С. Б. Веселовский, Указ. раб., стр. 275.

³⁰ М. В. Бірыла, Беларуская антрапія, Мінск, 1966, стр. 186.

Отзвуки верований в тотемические отношения между человеком и деревом сохранил следующий обычай владимирских крестьян. Вечером под Новый год деревенская молодежь ходила в огород раскачивать замерзший ствол рябины. Верили, что по скрипу рябины можно определить имя суженого или суженой, например: «Филипп-Филипп» или «Лукерья-Лукерья»³¹.

Много элементов тотемизма сохранялось и в ритуале троицко-семицкой березки у русских и белорусов³². Важно отметить, что на «зеленые святки» наравне с березкой дома украшались и рябиной. Например, в Белоруссии жилище украшалось ветвями березы, рябины и таких «почитаемых» деревьев, как липа и клен. В этот сакральный период их называли *маем*³³. По записи И. И. Земцовского, исполнительница семицкой песни из Торопца на Псковщине рассказала: «На троицу «столько маю (зеленых веток.— И. З.) несут, и всюду май стоит — и березы, и рябины...»³⁴. Май нельзя было жечь в печи; его сжигали на кострах в ночь на Ивана Купалу или подстилали под хлебные скирды и стога, чтобы сохранить их, по поверью, от мышей, краж, потрав и других бед³⁵. В некоторых западнорусских областях на Купалу практиковалось освящение в церкви веток дуба, осины, рябины, цветов и трав, из которых затем плели венки, служившие оберегом от «наваждения злой силы»³⁶.

Не случайно поэтому в начале XX в. во время известного семицкого обряда «похорон кукушки» традиционную кукушку в некоторых местах заменяла рябиновая ветка. На нее перешло и название «кукушка». Эту ветку-кукушку девушки по обычаю украшали лентами и цветами и совершали около нее традиционный обряд кумления³⁷.

В связи с этими верованиями, отразившими «тотемический пласт» в развитии общественного сознания, заслуживают внимания и верования чуваш, относящиеся к *ирихам*. Этнографы, изучавшие обычаи чуваш, единодушно считают ирихи семейно-родовыми духами-покровителями, которые позже частично слились с культом *киремети*. По поверью, ирихи могли обитать в разных предметах³⁸, которые также назывались ирихами. Чаще всего в качестве ирихов упоминаются ветки рябины или само рябиновое дерево. Так, В. К. Магницкий сообщал, что в дер. Масловой почиталось рябиновое деревце, в котором «жил дух-ирих». Эта рябина росла в саду одного из чуваш. Отдавая своих дочерей замуж, он каждой из них вручал вместе с приданым по рябиновой ветке с почитавшегося деревца, отчего появились новые места почитания ириха³⁹.

Возможно, что верования в тотемические отношения между человеком и деревом у русских отразились в балладе «О Михайле и Рябинке», известной в разных губерниях. В балладе рассказывается о том, что «люта-свекра» превратила молодую сноху в рябинку. Когда ничего не подозревающий Михайло по приказу матери начинает рубить рябину, то из нее брызжет кровь (варианты, записанные в Курской и Орловской

³¹ Т. Поздняков, Святки, «Владимирские губернские ведомости», 1899, № 1, стр. 8.

³² Д. К. Зеленин, Тотемический культ деревьев у русских и белорусов, «Известия Академии наук. Отд. общественных наук», 1933, № 6, стр. 591—629.

³³ Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. 8 и 9, Вильна, 1912, стр. 203.

³⁴ «Поэзия крестьянских праздников», Л., 1974, Примечания, стр. 588, № 499.

³⁵ Е. Р. Романов, Указ. раб., вып. 8 и 9, стр. 292.

³⁶ Юл. Ф. Крачковский, Быт западнорусского селянина, М., 1874, стр. 124.

³⁷ Р. Е. Кедрина, Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством, «Этнографическое обозрение», 1912, № 1, стр. 109.

³⁸ Подробное их описание дает В. К. Магницкий в статье «Об ирихах у чуваш», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1891, т. 9, вып. 1, стр. 1—13.

³⁹ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, Казань, 1881, стр. 76—77.

губерниях)⁴⁰. Вот как этот мотив звучит в тексте сказательницы М. А. Лоскутовой из дер. Вершинино на Кенозере:

«Он срубил-ссек рябину до сирёдоцьки,
Во сирёдоцьки-то было два младеньчика:
По локти у них да руцьки были в золоти,
По коленам ножки были в серибри»⁴¹.

Вообще мотив превращения человека (или частей его тела) в лес, воду, растения был широко распространен в славянской эпической традиции, а сюжет «Михайло и Рябинка» бытовал в среднерусской полосе еще в 60-е годы XX в.⁴²

• Мотивы превращения людей в животных, растения и т. д. относятся к числу пережиточных и в основе своей восходят к тотемическим верованиям. Изучение Д. К. Зелениным вопроса о тотемах-деревьях позволило ему сделать вывод, что вера в существование особых тотемических отношений между людьми и деревьями привела к запрету рубить крупные деревья, т. е. произошла обычная табуация тотема. Считалось, что нарушение табу может вызвать месть тотема. Эти представления гораздо чаще встречались, как пишет Д. К. Зеленин, «в ограничительном виде», т. е. применительно к одному какому-либо виду деревьев. Например, белорусы считали рябину «мстительною» («кто ее сломит или срубит, тот скоро умрет сам или же в его доме будет мертвец»). Аналогичное поверье было и у грузин: они верили, что если в горящую печь положить полено рябины, то пока оно горит, в доме будет какая-нибудь болезнь⁴³. У мордвы считалось грехом топить печь рябиной как «чистым деревом»⁴⁴.

Такое же отношение к рябине проявилось и в старом поверье, бытовавшем среди русских и белорусов: кто любит есть рябиновые ягоды, тот обязательно будет страдать зубной болью. Чтобы загладить вину перед деревом, по белорусскому поверью, следовало «присягнуть» ему. Для этого ранним утром, до восхода солнца, надо было прийти к дереву, стать перед ним на колени и сказать: «Прысягаю табе, вярабинка, што век цибе ня буду ни крышыць, ни ламаць». Повторив трижды клятву, нужно было поклониться рябине и поцеловать ее⁴⁵. По сообщению Екатерины Добрынкиной (1882 г.), во Владимирской губернии люди, страдавшие зубной болью, кланялись рябиновому деревцу с приговором: «Рябины никогда не есть, а (у такого-то) зубам не болеть»⁴⁶. Аналогичный обычай еще в начале 20-х годов XX в. бытовал в районе Иваново-Вознесенска. Здесь принято было приходиться к рябине на ранней зорьке и отвесив ей земной поклон, трижды повторить заветные слова: «Матушка-рябина, уйми мою болезнь [зубную боль], я тебя не стану есть»⁴⁷.

Дерево-оберег, дерево-врач — эти функции растения надолго сохраняются в народной памяти. Даже если полностью утрачен первоначаль-

⁴⁰ А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. I, СПб., 1895, № 79, 87. Сходный сюжет известен и в украинском фольклоре. См. Н. Костомаров, Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843, стр. 58—59.

⁴¹ «Онежские былины», «Летописи Государственного литературного музея», кн. 13, М., 1948, стр. 849—850.

⁴² Ю. И. Смирнов, Славянские эпические традиции, М., 1974, стр. 88, 119, 137—138.

⁴³ Д. К. Зеленин, Тотемы-деревья..., стр. 40—41.

⁴⁴ Н. Ф. Мокшин, Религиозные верования мордвы, Саранск, 1968, стр. 21.

⁴⁵ П. П. Демидович, Из области верований и сказаний белорусов, «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3, стр. 130; Н. Я. Никифоровский, Указ. раб., № 948, 2086.

⁴⁶ Е. Добрынкина, Суеверия крестьян Заречной стороны Муромского уезда, Научный архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, ед. хр. 173, л. 18.

⁴⁷ В. Ф. Груздев, Из народной медицины русских, «Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете», т. XXXII, вып. 1, Казань, 1922, стр. 92.

ный смысл религиозного почитания, остается поклонение дереву в чисто «практических» целях. К нему прибегают с целью чародейства колдуны, с целью лечения — знахари и все крестьяне. На Восточно-Европейской равнине среди разных народов наибольшим почитанием пользовались дуб, береза, липа, сосна, осина, можжевельник, из трав особой силой наделялся папоротник. Культурное почитание растений в концентрированной форме отразилось в обычае крестьян одного из приходов Усть-Сысольского уезда гадать о судьбе по баннам веникам. Согласно описанию, относящемуся к 1870 г., здесь накануне праздника Казанской богоматери все жители селения сообща парились в бане. Каждый парился своим веником, приговаривая: «Святая рябина, святая купальница, святой папор[от]ник». После бани веники развешивались на огороде, и по ним примечали: если веник не изменит цвета — хозяину весь год хорошо жить; если веник чернеет — быть несчастью; самое дурное предзнаменование тому, чей веник упадет⁴⁸. Обычай, описанный современником, живо отразил широко распространенные поверья о магической связи между человеком и почитаемыми растениями. В разных формах он сохранялся во многих местах России еще и в XIX в. Так, рязанские крестьяне, моясь в бане 23 июня, в день Аграфены-купальницы, называемой «лютыми кореньями», всегда парились с разными травами и кореньями, чтобы стать моложе⁴⁹. Культ растений наиболее ярко отразился в купальских празднествах. Купальские обычаи и поверья сохранили древнейшую основу этого культа, основанного на вере, что в растении воплощены жизнь и благополучие человека. Эта вера частично сохраняется и поныне, что выражается в обычае оставлять на почитаемом дереве одежду, или расщелив его, пролезать через щель с целью выздоровления.

Веру в сакральную связь между коллективом людей и деревьями переняло христианство. Не будучи в силах запретить поклонение деревьям, христианство включило его в свой ритуал. Так, интересные сведения о богослужении у «священной рябины» дает «Житие православного святого Адриана Пошехонского»:

«В лето 7120 (1612) в Пошехонском у. Шигарския волости села Тужева церковный диак Иван Прокопиев хожаше по вся лета к Илие пророку на пустошь на реку Ухру на усть реки Ушломы к рябине на Ильинскую пятницу. И изо окрестных весей священники прихожаху на той день и с собой приношаху иконы мученицы Парасковии нареченной Пятницы и поюще молебны. А изо окрестных волостей и из градов многи торговые и пахотные люди веру держаху мученице Христове Параскове, нареченной Пятнице, и у рябины сквозе сучие проимаху детей малые и юнаты. А инии людие и в совершенном возрасте проимахуся»⁵⁰.

В этом отрывке сконцентрированы типичнейшие народные поверья, связанные с культом деревьев и с Параскевой Пятницей. Культу Параскевы Пятницы способствовала и христианская церковь, синкретизировав языческие «пятнички» поверья с христианской агиографией (Параскева в переводе с греческого — пятница). Поверья, приуроченные к пятнице, связанные с культом воды, относятся к числу архаичных. Традиция же строительства храмов и часовен во имя Параскевы-пятницы у рек, озер, ручьев и родников была устойчивой вплоть до XX в. Можно сказать, что все это сплелось с культом рябины. Следствием поклонения рябине в Пошехонском уезде стало возведение храма во имя Параскевы-пятницы в Ильи-пророка; позже здесь возник монастырь «Рябинина пустынь». Наконец, само прославление святого Адриана Пошехонского также свя-

⁴⁸ Н. А. Заварин, О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии. «Вологодские епархиальные ведомости», 1870, № 5, стр. 175.

⁴⁹ Г. П. Сахаров, Сказания русского народа, т. II, кн. 7, СПб., 1849, стр. 36.

⁵⁰ Цит. по: «Живая старина», вып. IV, 1891, стр. 229.

зывается с рябиной, которая была посажена на его могиле. Благодаря этому у рябины будто бы бывали многочисленные исцеления⁵¹.

Отметим, что православие в своей миссионерской практике учитывало культовое почитание населением таких деревьев, как береза, сосна, дуб, рябина. Поэтому именно с перечисленными деревьями, по очень тонкому и верному наблюдению Н. М. Маторина, связываются наиболее ранние «явления» богородичных икон в православии (по православной агиографии они являлись на деревьях)⁵².

Сейчас уже довольно трудно объяснить, почему именно с рябиной оказались связаны столь разнообразные поверья. Характерно, что большая их часть была направлена на предохранение человека от действия грозных духов-олицетворений природы и всезнающих ведунов, а позже демонологических сил христианской мифологии. Пожалуй, кроме рябины, по восточнославянским поверьям, такими же магико-предохранительными апотропейными свойствами наделялись можжевельник, крапива и чертополох. К крапиве чаще всего обращались за помощью 24 июня. В этот день, когда вся нечисть, по поверью, выступала особенно активно против человека, крестьяне, остерегаясь колдунов и других злых сил, раскладывали на окнах и вешали на воротах крапиву в качестве оберега. Потому русальское заговенье во многих местах называлось «крапивным». Действенным средством против всевозможной нечисти считалось окуривание помещений можжевельновыми ветками. Дурманящий запах горящего можжевельника, колючки на его ветках, вероятно, и послужили основой для рождения поверья. Известно, что эпидемические заболевания в народных поверьях имели свои антропоморфные олицетворения (в виде дряхлых старух или безобразных дев), которые причислялись к миру нечисти. Соответственно и можжевельник, использовавшийся против эпидемий (нечисти), наделялся должными магико-предохранительными свойствами. Важно, что старинные лечебники донесли до нас чисто практические рекомендации к применению можжевельника — в качестве антисептического средства при «морových поветриях». Вот совет по записи XVIII в.: «Аще во время поветрия, взявъ можжевелового ветвия кладемъ на уголье, от того будетъ дым и темъ чело- века обиметь: никогда черная губительная нечистота не прикоснется»⁵³. Сходными с рябиной магико-предохранительными свойствами, по народным верованиям, обладал чертополох. Считалось, что он прогоняет колдунов и чертей, оберегает домашний скот, врачует болезни, унимает девичью грусть-печаль. Чертополох носит также название «дедовник», как трава, посвященная Перуну. «Дедом» в старину именовали гром. Это название было известно у белорусов и поныне сохраняется у народов Поволжья. Чертополох — один из видов релейника. Это, видимо, и привело к рождению столь разнообразных предохранительных поверий. Что касается рябины, то в этнографических записях нет упоминаний о тех ее свойствах, которые способствовали бы распространению связывавшихся с ней поверий. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы об использовании рябины в народной медицине и пище не дают оснований к параллелям в народных поверьях, как это было показано на примере с можжевельником. Вот некоторые иллюстрации к употреблению рябины крестьянами Тверской губернии: ягоды рябины запасались на зиму, их ели как мороженые (от угара), так свежие и печеные; их клали также в тесто и кулагу (лакомство из солодовой муки). Отвар из рябиновых почек и сучьев рекомендовался в качестве средства для полоскания рта. Во Владимирской губернии рябиновый сок или отвар из

⁵¹ Л. А. Дмитриев, Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв., М., 1973, стр. 209—210.

⁵² Н. Маторин, Женское божество в православном культе. Пятница-богородица, М., 1931, стр. 82.

⁵³ «Словарь русского языка XI—XVII вв.», вып. 1, М., 1975, стр. 23.

рябиновых ягод применялся для лечения некоторых заболеваний кишечного тракта. Напомним здесь также о замечательных качествах знаменитой водки-рябиновки.

Вопрос о том, почему именно рябина считалась «чистым» деревом, предохранявшим от зловредных духов, практически остается открытым. Можно только предположить, что в поверьях, связанных с рябиной, сохранились какие-то отзвуки древнеславянских мифологических построений. В пользу такого предположения говорит дошедшее до нас поверье о «рябиновой ночи». В некоторых русских летописях (Новгородской 4-й, Новгородской 5-й, Софийской 1-й, Воскресенской) под 6532 (1024) годом в повествовании о Лиственской битве между Ярославом и Мстиславом говорится: «Бывши нощи рябиной бысть тма, и громъ шибаше и молния и дождь... и бѣ гроза велика и сеча сильна...»⁵⁴. Ф. П. Филин, исследуя лексику русского литературного языка древнекиевской эпохи, высказал предположение, что с понятием «нощи рябиной» в древней Руси связывались кульгово-мистические представления дохристианского времени. Автор же сказания о битве под Лиственем, вводя подробность о «нощи рябиной», «придавал описываемому событию мистический характер, необычайно усиливая впечатление, получаемое от картины боя (ночь, в которую происходит борьба двух потусторонних сил, молния, гром, блеск оружия, ярость битвы)»⁵⁵. Это предположение в целом подтверждается нашими материалами.

Поверье о «рябиновой ночи» отразилось в лексике западнорусских и белорусских говоров. В Витебской губернии еще в середине XIX в. верили, что в одну из летних ночей ближе к празднику «Большой Прячисты» (Успенье, 15 августа по ст. ст.) наступает «рябиновая ночь», с бурей, громом и молнией, когда все стихии объединяются для преследования и истребления колдунов, ведунов, чаровниц, причинивших людям зло. При этом считалось, что все пострадавшие от бури и «пируна» (местное название молнии) были колдунами⁵⁶. Напомним также здесь об одной из «мифологических заметок» А. Н. Афанасьева, считавшего, что в мифотворчестве языческих славян тучи ассоциированы с небесными садами и рощами. Это в свою очередь сближало их с различными деревьями, в том числе и с рябиной, «...красные ягоды которой, — как пишет А. Афанасьев, — напоминали молниеносный цвет Перуна... а ветка рябины принималась за символ перуновой палицы»⁵⁷. У нас нет прямых доказательств в пользу высказанного А. Афанасьевым мнения о связи между рябиновым деревом, цветом его ягод и древнеславянским богом Перуном. И хотя это предположение выглядит сказочно-поэтичным, в нем, несомненно, есть зерно истины. Уже в упомянутом выше поверье белорусов Витебской губернии о «рябиновой ночи» прослеживается явная связь между рябиной, отгоняющей злых духов, и «пируном» — молнией бога Перуна, также преследующего различную нечисть.

Поверье о «рябиновой ночи» было не только местным явлением. Это подтверждается тем, что само это понятие у русских в XIX в. было широко распространенным. Под «рябиновой ночью» понималась душная,

⁵⁴ Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, «Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена», т. 80, Л., 1949, стр. 258—259.

⁵⁵ Там же. По другой точке зрения (А. М. Финкель), слово «рябиный» в упомянутых летописных текстах больше связано с архаичным корнем «ряб» в значении «темный», «мрачный», «зловещий» (древнесеверонемецкий, англосаксонский и др.), чем с языческой семантикой: А. М. Финкель, Материалы для фразеологического словаря русского языка. Воробьиная ночь, «Вопросы языкознания», 1956, № 4, стр. 94. Однако в данном случае перед нами явный синкретизм языческого верования и этимологии слова. Подобного рода нерасчлененность характерна для первоначального словообразования, в которое могли влетаться и кульгово-мистические представления.

⁵⁶ Н. Я. Никифоровский, Указ. раб., № 1991; А. Е. Богданович, Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, Гродна, 1895, стр. 144.

⁵⁷ А. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 377.

с грозами и зарницами летняя или осенняя ночь⁵⁸. Смоленские жители считали, что между «двух Пречистых» (т. е. Успением — 15 августа и Рождеством Пресвятой Богородицы — 8 сентября по ст. ст.) бывают «рябиновые ночи», с дождем, громом, непрерывными молниями и сильным ветром⁵⁹. В Белоруссии «рябиновую ночь» относили ко времени между Ильиным днем и Успеньем⁶⁰. Эти ночи назывались также «воробьиными»⁶¹, или реже — «громовыми». В Мосальском уезде Калужской губернии бытовало поэтическое фенологическое наблюдение-поверье о том, что каждый год бывают непременно три «рябиновые» ночи: одна — в конце весны, когда цветет рябина; другая — в середине лета, когда на ней начинают зреть ягоды; и третья — в начале осени, когда ягоды успевают⁶². В данном случае перед нами типичный пример эволюции религиозного верования. От него осталось лишь наименование, зафиксировавшее стержневое содержание поверья, дошедшее до нас в поэтической фольклорной форме. Подобного рода обрядовую трансформацию Е. В. Аничков в свое время лаконично и образно назвал «от обряда к песне».

* * *

Вернемся к началу нашей статьи — к старообрядцам-рябиновцам.

Народная вера в чудодейственные свойства рябины привела к тому, что у одного из толков старообрядчества — рябиновцев — основным атрибутом религиозного почитания стал крест из рябины. Рябиновщина как организованное религиозное направление, принадлежащее к беспоповцам, возникает в середине XVIII в. Церковные авторы относят рябиновцев к самокрещенцам. Предполагают, что рябиновый толк появился в Казанской губернии. Отсюда это староверческое движение распространилось по всему Поволжью. Последователей рябинового толка характеризовало непризнание таинств, почти полное отрицание молитв и икон (почитались лишь иконы с изображением Иисуса Христа). По свидетельству миссионеров, восьмиконечный рябиновый крест без надписей и распятия был почти единственным культовым предметом красного угла в жилище сторонников рябинового толка.

Подобного типа движение не единично в старообрядчестве. В Пермской епархии были известны, правда лишь по названию, толки «березовщины», «осиновщины», «липовщины». У их последователей основными религиозными атрибутами соответственно были березовые, осиновые и липовые кресты. Без сомнения, основой для возникновения названных староверческих толков, их «идеологическим» обоснованием стали верования, связанные с культом деревьев. Ведь именно береза, осина и липа особенно почитались как среди русских, так и среди других народов Поволжья.

В данном случае перед нами один из примеров исторического парадокса старообрядчества, обратившегося к старославянским культам. Н. М. Никольский писал об этом: «Разрывая с христианским регулярным культом, крестьянство невольно возвращалось к традиционным формам религии: „старая“ вера действительно во многом напоминала старинную дохристианскую религию — и камланием, и омовением, и граждан-

⁵⁸ В. Даль, Указ. раб., стр. 124.

⁵⁹ В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914, стр. 807—808.

⁶⁰ А. Е. Богданович, Указ. раб., стр. 144.

⁶¹ По нашим материалам, в западных русских землях (Смоленщина, Белоруссия) бытовало выражение «рябиновая ночь», а в Центральной России чаще говорили «воробьиная ночь». Наиболее полные сведения о географическом распространении выражения «воробьиная ночь» с пояснением местного его значения дает «Словарь русских народных говоров», вып. 5, Л., 1970, стр. 105.

⁶² А. Афанасьев, Указ. раб., т. II, стр. 377.

ской формой брака»⁶³. Словом, видное место в религиозном культе старообрядчества занял синкретический комплекс религиозных обычаев, обрядов и верований, который объединил как остатки дохристианских культов, так и элементы собственно православной догматики и обрядности. Этот комплекс условно называют термином «бытовое православие» (некоторые авторы в этом случае пишут о «двоеверии», «языческом православии»). Почитание рябины и культ деревьев в целом в средневековую эпоху стали явлением бытового православия, отразившим определенный этап в становлении общественного сознания патриархального крестьянина.

Итак, в верованиях, связанных с рябиной, отразилось религиозное миропонимание ряда этапов в становлении религиозно-мировоззренческих представлений. В них переплетены понятия, характерные для разных стадий в становлении общественного сознания: верования, соответствовавшие примитивным формам социальной организации (тотемизм и культ природы, знахарство и ведовство), верования периода общинно-родового строя (культ личных духов-покровителей, семейно-родовой, промысловый и аграрный культы). А на более позднем этапе исторической действительности на эти живо сохранявшиеся в коллективном обыденном сознании представления наложило свой отпечаток христианство.

В XIX—XX вв. в общественном сознании русских образ рябины приобрел свою особую поэтическую символику. В устном народном творчестве сложилось символическое сопоставление рябины с тоскующей девушкой или женщиной. Поэтический образ рябины стал мотивом многих художественных произведений в декоративном и изобразительном искусстве, в поэзии и прозе. Как и береза, рябина для русского человека теперь часто ассоциируется с Родиной.

⁶³ Н. М. Никольский, История русской церкви, М., 1931, стр. 160.